

Иезуиты и ихъ педагогическая дѣятельность въ Польшѣ и Литвѣ.

Лойола ¹⁾, котораго иезуиты величаютъ именемъ «свя-
таго» основателя ²⁾ своего ордена, поставляя воспитаніе юно-
шества однимъ изъ средствъ просвѣщенія людей и спасенія
ближнихъ,—двухъ великихъ задачъ, которыми облекъ онъ
основанный имъ орденъ ³⁾,—по всей вѣроятности не думалъ
о томъ, какое эластическое употребленіе сдѣлають его послѣ-
дователи изъ этого, въ сущности добраго и гуманнаго, сред-
ства. «Можно думать,—говоритъ Геттѣ въ своей «исторіи
иезуитовъ»,—что Игнатій имѣлъ только добрыя намѣренія,
основывая свой орденъ; нѣкоторые странные факты его исто-
ріи могутъ быть вмѣнены его историкамъ, слишкомъ жаднымъ
до того, чтобы сдѣлать изъ основателя иезуитскаго ордена
человѣка эксцентричнаго» ⁴⁾.

¹⁾ Донъ-Иниго-Лойола родился въ 1491 г., въ царствованіе Фердинанда и
Изабеллы, въ испанской провинціи Гипускуа. Умеръ 30 іюля 1556 года.

²⁾ Первымъ основателемъ ордена иезуиты почитаютъ, впрочемъ, Иисуса
Христа; вторымъ—Богоматерь, и только третьимъ, наконецъ, Игнатіа: *Jesus-
Christ est le premier fondateur, la Vierge—le second, et saint Ignace
seulement le troisieme. Imago primi saeculi. Lib. 1. cap. 6.*

³⁾ Въ уставѣ ордена, утвержденномъ папою Павломъ III, въ 1540 г., цѣль
его опредѣляются «распространеніемъ и утвержденіемъ ученія Христа въ душахъ
вѣрующихъ посредствомъ проповѣди и воспитанія юншества». Модзамскій.
Очеркъ Исторіи воспитанія. стр. 321.

⁴⁾ «Histoire des Jesuites», par Guettée, стр. 101, т. 1.

Въ самомъ дѣлѣ, безпристрастное отношеніе къ личности Лойолы, если не совершенно освобождаетъ основателя ордена іезуитовъ отъ нареканій, взводимыхъ на него исторією, то показываетъ, что онъ испыталъ судьбу, нерѣдкую въ исторіи основателей и начинателей. Его мысли и предначертанія, какъ мысли и предначертанія многихъ другихъ, доведены были до крайняго утѣпрованія и исключительности его усердными послѣдователями и продолжателями, которые менѣе давали воли воображенію и экзальтаціи, а потому смотрѣли на свое дѣло съ болѣе прозаической, земной точки зрѣнія. Измѣнивъ въ общемъ задачу ордена, они измѣнили въ частности смыслъ и тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ, по идеѣ, должно было достигаться выполненіе общей задачи. Просвѣщеніе людей и спасеніе ближнихъ отодвинуто было на второй планъ, а на первый поставлено преслѣдованіе личныхъ интересовъ ордена: эгоизмъ, такимъ образомъ, заступилъ мѣсто служенія благу человечества.

Преслѣдуя виды эгоистическіе, іезуиты весьма логично пришли къ желаннымъ результатамъ: изъ проповѣди они сдѣлали гибкое орудіе для проведенія своихъ задушевныхъ мыслей, чувствъ и стремленій; изъ посѣщенія темницъ и больницъ—средство для лукаваго выраженія своего участія и сочувствія къ нуждѣ и страданію ближняго, покупая своею мнимою заботливостію душу и тѣло этого ближняго; изъ исповѣди сдѣлали употребленіе, пугающее христіанское чувство своею крайнею и безцеремонною меркантильностію, и, наконецъ, изъ воспитанія сдѣлали воспитаніе не человѣка вообще, а воспитаніе іезуита, похожаго во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ на своихъ воспитателей. Такимъ образомъ, и проповѣдь, и посѣщеніе больныхъ и заключенныхъ, и исповѣдь, и воспитаніе—все это явилось въ рукахъ іезуитовъ могущественнымъ и послушнымъ средствомъ для преслѣдованія одной цѣли—интересовъ ордена.

Но ничѣмъ инымъ съ такою успѣшностію и дѣйствительностію не достигали іезуиты этой цѣли, какъ воспитаніемъ юношества. Въ этомъ отношеніи они вполне и глубоко поняли значеніе воспитанія. Имъ нужны были люди, преданные имъ душою и тѣломъ, чтобы при помощи ихъ вѣрнѣе и надежнѣе достигались интересы ордена: а чѣмъ, кромѣ воспитанія, могли приготовить они такихъ людей? Только при помощи воспитанія могли они сдѣлать человѣка способнымъ къ тому безотвѣтному и безгласному повиновенію, котораго требовали инструкціи ордена; только воспитаніемъ могли они воодушевить до фанатизма своихъ членовъ интересами ордена; только путемъ воспитанія они могли насквозь узнать человѣка,—узнать его душу со всѣми малѣйшими ея движеніями и, такимъ образомъ, не ошибиться въ выборѣ вѣрныхъ и преданныхъ членовъ. При помощи именно воспитанія они, дѣйствительно, и приготовляли такихъ людей, которые «слушались своего начальника, какъ намѣстника Іисуса Христа, если даже этотъ начальникъ не отличался ни мудростію, ни другими качествами»,—людей, которые «въ рукахъ своего начальника являлись мягкимъ воскомъ, принимающимъ какую угодно форму,—статуэткою, которую ставятъ гдѣ хотятъ,—трупомъ, не обнаруживающимъ никакого движенія,—тростію, которую старецъ беретъ въ руки, или бросаетъ, по произволу» ¹⁾. Словомъ: только путемъ воспитанія іезуиты выкрадывали у своихъ питомцевъ ихъ мысль, ихъ разсудокъ и ихъ волю, и давали имъ въ замѣну свою мысль, свой разсудокъ и свою волю, т. е. дѣлали ихъ существами страдательными, машинами ²⁾.

¹⁾ Histoire des Jesuites. стр. 49. т. 1.

²⁾ Въ «*Jmago primi saeculi*» низшій іезуитъ, по отношенію къ высшему, представляется машиною, готовою къ дѣятельности по мановенію двигателя, т. е. высшаго,—шаромъ, поставленнымъ на гладкой поверхности и движущимся по

Иезуитская педагогика шла какъ будто наперекоръ общей педагогикѣ. Цѣль воспитанія умышленно и систематически была извращена; всестороннее и гармоническое развитіе чело-вѣка во всѣхъ лучшихъ его способностяхъ замѣнялось моно-тонною и безжизненною схоластикой, убивавшею безжалостно и вконецъ все то, что въ чело-вѣкѣ есть лучшаго, живаго и свободнаго. Молодые и впечатлительныя натуры, подъ гнетомъ этой схоластики, преждевременно старѣли, какъ лѣтній цвѣ-токъ, лишенный луча живительнаго солнца;—гибли дарованія, тухли благородные порывы. Бѣдность педагогическихъ средствъ и условій отразилась весьма понятно и энергично на всей исторіи иезуитскаго воспитанія:—во все время существованія ордена изъ среды его не вышло ни одного геніальнаго чело-вѣка. «Можно удивляться,—говорить Гетте,—что въ много-численномъ обществѣ иезуитовъ, которые стремились занять университеты и въ которомъ, повидимому, наука развита была такъ универсально, было слишкомъ мало людей высшаго достоинства.... Извѣстное число богослововъ пользуется за-служенною репутаціею; но помимо тѣхъ трудовъ, въ кото-рыхъ болѣе необходимо терпѣніе, чѣмъ геній, иезуиты могутъ указывать только на посредственность. Ихъ историки—только компиляторы фактовъ;—нѣтъ у нихъ ни истинныхъ поэтовъ, ни философовъ. Математики, профессоры, ораторы втораго разряда—вотъ все, на что иезуиты могутъ указывать, какъ на самое замѣчательное между ними. Бурдалу, который былъ иезуитъ только по имени, былъ единственный проповѣдникъ, истинно достойный удивленія, какого они имѣли» ¹⁾.

Явление это Гетте объясняетъ именно недостаточностію иезуитскаго образованія. «Чтобы отыскать для этого причину,

направленію, которое внушаютъ ему,—эхомъ, повторяющимъ только тотъ звукъ, который ему повторяютъ.

¹⁾ Histoire des Jesuites. стр. 299, т. 1.

—говорить онъ,—необходимо обратить вниманіе на тотъ основной недостатокъ, который присущъ всему обществу іезуитовъ; такой недостатокъ заключается въ методѣ обученія; переданнаго іезуитамъ Аквавивою. Орденъ стремился какъ бы огородить разумъ и опредѣлить, такъ сказать, математически ту сферу, въ которой онъ можетъ дѣйствовать. Іезуитъ, полагая во всемъ повинновеніе, какъ основное правило, считаетъ себя по совѣсти обязаннымъ не переступать границы, очерченной Аквавивою. Онъ думаетъ, что невозможно перешагнуть этой границы, не подвергаясь паденію и тяжелымъ затрудненіямъ; онъ вращается, слѣдственно, въ сферѣ, внутри круга, который начертанъ для него. Разумъ его, такимъ образомъ, описанъ въ горизонтѣ, за которымъ для него существуютъ только обманъ и глупость. Отсюда посредственность іезуита, соединенная съ непомѣрнымъ тщеславіемъ, которое располагаетъ его проникаться сожалѣніемъ о томъ, что выходитъ изъ ряда обыкновеннаго,—та гордость, которая не позволяетъ ему цѣнить высокія созданія и людей болѣе замѣчательныхъ, чѣмъ люди ордена.¹⁾

Но іезуиты мало обращали вниманія на телеологию воспитанія. Въ ихъ рукахъ воспитаніе было не цѣлю, а средствомъ,—средствомъ сдѣлать изъ своихъ питомцевъ людей, вполнѣ преданныхъ интересамъ ордена. А этого они вполнѣ и достигали при помощи своего образованія, путемъ своей оригинальной педагогики.

1. Разсадниками іезуитскаго образованія были, такъ называемыя, коллегіи.

Высшее административное лице въ коллегіи называлось ректоромъ. Въ эту должность назначались самые генералы ордена люди, вполнѣ заявившіе свою преданность интересамъ ордена; болѣею частію они избирались изъ такъ-называемыхъ

¹⁾ Histoire des Jesuites. стр. 298. т. 1.

мых коадьюторовъ ¹⁾. Власть ректора гарантировалась властью провинціала, которому ректоръ доносилъ каждую недѣлю о всемъ томъ, что могло интересоватъ орденъ; провинціалъ, въ свою очередь, пересылалъ эти свѣдѣнія генералу. Авторитетъ ректора непосредственно простирался на профессоровъ и воспитанниковъ. Онъ слѣдилъ за направле-ніемъ преподаванія, и тотчасъ доносилъ генералу, если замѣчалъ неблагонадежность какого либо профессора.

Экономическою стороною заправлялъ такъ называемый частный экономъ, который завѣдывалъ имуществами коллегій и милостынями, поступавшими на ея имя ²⁾.

¹⁾ Всѣ члены ордена раздѣлялись на 6 классовъ: новиціевъ, школьниковъ, коадьюторовъ—такъ называемыхъ—временныхъ (*coadjuteur temporèls*), коадьюторовъ духовныхъ (*coadjuteur spirituels*), префектовъ трехъ обѣтовъ и префектовъ четырехъ обѣтовъ. Эти послѣдніе составляли въ собственномъ смыслѣ орденъ; они посвящены были во всѣ тайны ордена и могли быть избираемы въ первыя должности. Число ихъ, какъ и число префектовъ трехъ обѣтовъ, весьма невелико. Массу ордена составляли молодые люди, или церковники (*ecclesiastiques*), которыхъ обѣты состояли въ цѣломудренности, нищетѣ и повиновеніи;—отъ этихъ обѣтовъ освобождали ихъ высшіе. Они—іезуиты только въ возможности, а не на самомъ дѣлѣ. Они—служки, которыхъ употребляли начальники ордена. Кoadьюторы временные подвержены были торжественнымъ обѣтамъ, продолжавшимся 6 лѣтъ, или до тѣхъ поръ, пока исполнялось имъ 30 лѣтъ. Кoadьюторы духовные точно такъ же выполняли обѣты, только простые. Однакожъ ступень, къ которой подходили они, позволяла ввѣрять имъ должности проповѣдниковъ, миссіонеровъ, ректоровъ коллегій и вообще должности втораго разряда. Префекты трехъ обѣтовъ—тѣ, которые не были еще посвящены въ тайны ордена, но которые, однакожъ, признавались достойными занять въ орденѣ лучшія мѣста. Титло префектовъ четырехъ обѣтовъ усвоилось только тѣмъ, которые были такъ преданы интересамъ ордена, что генералъ не имѣлъ основанія опасаться ихъ. Если они испытывали какія либо недоумѣнія, то обращались непосредственно къ генералу, а иногда даже и къ папѣ, за разрѣшеніемъ ихъ. Префекты трехъ и четырехъ обѣтовъ несли три должности: они учили, говорили проповѣди и исповѣдывали. *Histoire des Jesuites. стр. 46. т. 1.*

²⁾ Каждая провинція, каждый новицитетъ, каждая коллегія имѣли своего частнаго эконома. Кромѣ этихъ частныхъ экомомовъ былъ еще экономъ генеральный, который имѣлъ резиденцію вблизи генерала. Онъ занимался всѣми вре-

Коллегіи дѣлились на семинаріи, въ которыхъ приготовлялись будущіе члены ордена, и на школы, въ которыхъ воспитывались дѣти свѣтскихъ сословій: слѣдственно, въ коллегіяхъ учились воспитанники постоянно въ нихъ жившіе и приходившіе сюда изъ частныхъ домовъ. Устройство коллегій отличалось такою стереотипностію, что малѣйшее отступленіе отъ заведеннаго порядка, отъ обычаевъ и преданій ордена, требовало непосредственнаго разрѣшенія и санкціи генерала. Школьная система іезуитовъ со временъ Аквавивы, твердо установившаго ее, какъ бы застыла и лишилась навсегда возможности измѣняться и развиваться.

Каждая коллегія распадалась на два отдѣленія: высшее (*studia superiora*) и низшее (*studia inferiora*). Въ 5-ти классахъ, на которые дѣлилось, въ свою очередь, низшее отдѣленіе, ученикъ занять былъ изученіемъ латинскаго языка ¹⁾; такъ что къ концу курса научался свободно читать и понимать классиковъ, впрочемъ, не въ цѣлостномъ ихъ видѣ, а въ отрывкахъ, одобренныхъ ректоромъ,—по такъ называемымъ «*editiones castigatae*». Латинскій языкъ признавался такимъ необходимымъ и важнымъ предметомъ образованія, что іезуиты обязывали своихъ питомцевъ употреблять его и въ ихъ интимныхъ отношеніяхъ, вмѣсто языка отечественнаго. Дозволившіе себѣ употребить родной языкъ подвергались нѣкото-

меняемыми дѣлами ордена и имѣлъ надзоръ за всѣми частными экономами. Онъ не долженъ былъ забывать ни одного благотворителя, а напротивъ приумножать число ихъ; долженъ былъ дѣйствовать такъ искусно, чтобы не надоѣдать этимъ благотворителямъ своими визитаціями, а снискивать ихъ благорасположеніе и, такимъ образомъ, пользоваться отъ нихъ еще большимъ. *Histoire des Jesuites*. Стр. 47. т. 1.

¹⁾ Порядокъ изученія лат. языка былъ такой: въ 2-хъ низшихъ классахъ (*infima* и *grammatica*) предлагались основанія латинскаго языка; въ 3-мъ классѣ (*syntaxis*) оканчивалась грамматика; въ 4-мъ (*poësis*) выучивались свободно читать и понимать труднѣйшихъ классиковъ; въ 5-мъ (*rhethorica*) занимались теоріею поэзіи и стилистикой. Истор. литер. Пыпина и Спасовича.

раго рода наказанію: на нихъ надѣвали какой нибудь внѣшній знакъ для общаго позора и посмѣянія. Писались на латинскомъ языкѣ учениками и стихи; на этомъ же языкѣ писались и разыгрывались драмы. И стихи и драмы представляли собою блѣдное и изуродованное подражаніе классикамъ. Вообще іезуиты, поставляя латинскій языкъ главнымъ предметомъ образованія, имѣли въ виду не развитіе въ своихъ питомцахъ живаго пониманія духа классическихъ писателей, а подавленіе въ нихъ (ученикахъ) всякой самостоятельности мысли ¹⁾. Вслѣдствіе этого сочиненія классиковъ очищались отъ всего, чѣмъ будятъ и затрогиваютъ они чувство и воображеніе.

Свѣтскія науки,—математика, географія, исторія, отечественный языкъ,—оставались въ полномъ пренебреженіи. Чтобы ученики не оставались безъ всякихъ свѣдѣній по этимъ наукамъ, іезуиты выдумали особую науку, обнимавшую собою историческія, этнографическія и археологическія свѣдѣнія,—названную ими «эрудиціею». Если же и преподавались названныя выше науки, то іезуитская цензура относилась къ нимъ слишкомъ безцеремонно: учебники, обыкновенно, составлялись самими іезуитами и приспособлялись къ цѣлямъ ордена,—искажались факты и выдумывались новые, если это было въ интересахъ ордена. Учители, при чтеніи лекцій, тщательно избѣгали всего того, что могло просвѣтити умъ и развити способности ученика, затрудняли пріобрѣтеніе полезныхъ познаній, и все образованіе приспособляли къ цѣлямъ ордена. Преподавалась и логика, но преподавалась не съ тѣмъ, чтобы пріучить молодые умы къ строгому и систематическому мышленію, а съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ способ-

¹⁾ Знакомство съ писателями древности,—говорилось въ уставѣ,—должно имѣть въ виду лишь языкъ римлянъ и грековъ, усвоеніе котораго образуетъ стиль: ничего болѣе, ничего далѣе....

ными къ спорамъ и диспутамъ о всякомъ предметѣ. Умѣніе спорить считалось въ глазахъ іезуитовъ ученостію и несомнѣннымъ признакомъ хорошаго образованія.

Высшее отдѣленіе существовало не во всѣхъ коллегіяхъ. Въ этомъ отдѣленіи было два факультета—философскій и богословскій. Въ отдѣленіе это поступали, обыкновенно, лучшіе и способнѣйшіе студенты. Философскій факультетъ состоялъ изъ трехгодичнаго курса, а богословскій—изъ четырехгодичнаго.

Въ 1-мъ году философскаго курса изучалась исключительно логика по Аристотелю; во 2-мъ—книга «de coelo», первая книга «de generatione» и «meteorologica»; въ 3-мъ году—вторая книга «de generatione», книга «de anima» и «metaphysis». Особый профессоръ читалъ объ Аристотелевой этикѣ. Преподавалась еще физика съ присовокупленіемъ нѣкоторой части геометріи (Эвклидовы элементы) и географіи (о сферахъ).

На богословскомъ курсѣ читались священное Писаніе и богословіе по Томѣ Аквинату. Изученіе свящ. Писанія ограничивалось знакомствомъ съ вульгатой; еврейскій и греческій тексты оставались безъ вниманія. Профессоръ богословія не смѣлъ приводить ничего такого, что не согласовалось съ установленіемъ римской церкви. Наконецъ, профессоръ казуистики обучалъ всему тому, что относилось къ обрядовой сторонѣ и совершенію таинствъ.

Этимъ и ограничивалось все образованіе, которое предлагали іезуиты въ своихъ коллегіяхъ ¹⁾. Сами іезуиты, однако, не считали этого образованія бѣднымъ и ограниченнымъ:

¹⁾ Изъ всего, что намъ довелось прочесть о строѣ и системѣ іезуитскаго образованія, болѣе удовлетворительнымъ оказался трактатъ объ іезуитской педагогикѣ въ «Очеркѣ исторіи воспитанія» Модзалевскаго, которому мы б. ч. и слѣдовали.

«non multa, sed multum» громко говорить, какъ они смотрѣли на это образованіе.

Чтобы сдѣлать свое образованіе еще болѣе бесплоднымъ, іезуиты дали полный просторъ схоластикѣ и обскурантизму. Не смотря на движеніе гуманизма и реформаціи, принесшихъ съ собою вѣяніе новаго духа, іезуиты упорно оставались вѣрными доброму старому времени и наглухо затворили двери своихъ школъ для притока новыхъ идей. Отсюда новый взглядъ науки никогда не проникалъ въ іезуитскія школы; безъ дозволенія и разрѣшенія генерала ордена нельзя было ни переводить, ни печатать новыхъ книгъ, ни измѣнять строя образованія. Въ уставѣ Аквавивы «Ratio studiorum» опредѣленно и категорически выражено запрещеніе дѣлать какія либо измѣненія и нововведенія въ системѣ іезуитскаго образованія. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Если бы іезуиты дозволили себѣ свободу въ системѣ образованія молодыхъ умовъ, то они не сдумали бы, разумѣется, держать въ оковахъ эти умы: рано или поздно ихъ воспитанники поняли бы всю несостоятельность ихъ системъ. Жажда знанія, такъ присущая молодымъ умамъ, возсталала бы со всею силою и энергіею противъ мертвящей схоластики и скучнаго формализма. Но іезуиты, какъ зоркіе и опытные политики, поняли это очень скоро, а потому и постарались убивать и подавлять эту жажду знанія надежною тяжестью латинскихъ вокабулъ и фразъ: латинскій языкъ оказался въ ихъ рукахъ весьма дѣйствительнымъ противоядіемъ противъ всѣхъ проявленій гордаго разума.

Іезуитская педагогика замѣчательна преимущественно своею дисциплиною. Дисциплина эта такъ сковывала іезуитскаго воспитанника, что онъ не могъ сдѣлать свободнаго и безконтрольнаго шага: онъ буквально связанъ былъ по рукамъ и ногамъ. Съ скрупулезною точностію опредѣлялся каж-

дый его шагъ, каждое движеніе, каждое положеніе тѣла. По инструкціи, начертанной самимъ Лойолою, поза іезуита такова: «голова должна быть нѣсколько опущена на грудь, но не наклонена ни на ту, ни на другую сторону; глазъ совсѣмъ не поднимать, а, напротивъ, опускать всегда предъ тѣми лицами, съ которыми приходится говорить, и смотрѣть на нихъ лишь косвенно; не морщить ни лба, ни носа, и видъ имѣть скорѣе любезный и довольный, чѣмъ печальный; идти величественно и съ достоинствомъ» ¹⁾.

Воспитанникъ іезуитскій, съ утра до ночи, былъ на глазахъ своихъ воспитателей. Вмѣстѣ съ своими учителями онъ шелъ, по утру, на молитву, въ продолженіе которой и воспитанники и воспитатели стояли на колѣнахъ; вмѣстѣ съ ними шелъ въ классъ; вмѣстѣ съ ними отправлялся къ обѣднѣ; вмѣстѣ съ ними ходилъ на прогулку; учитель, или начальникъ раздѣлялъ съ нимъ даже купанье, игры, гимнастику и проч.; словомъ: всюду и всегда назиралъ его зоркій глазъ воспитателя, не оставляя одного ни на минуту. Уединенія іезуитскій школьникъ могъ только желать; на самомъ дѣлѣ, волей или неволей, онъ вѣчно долженъ былъ находится въ обществѣ своихъ товарищей: инструкціи не дозволяли ему оставаться ни на мигъ наединѣ съ самимъ собою, съ своими думами и мечтами. «Nunquam unus, rarum—duo, semper—tres»—гласила на этотъ счетъ іезуитская инструкция.

Обязывая своихъ питомцевъ постоянно быть вмѣстѣ, іезуиты развивали въ нихъ тѣмъ самымъ шпионство ²⁾: каж-

¹⁾ Portrait du Jesuite. Histoire des Jesuites. стр. 41. т. 1.

²⁾ Шпионство у іезуитовъ развито было до ужасающихъ размѣровъ. За самимъ генераломъ слѣдили его ассистенты и такъ называемый увѣщатель (admoniteur). Впрочемъ для генерала это шпионство не было рѣзко опасно; ибо онъ могъ всегда предохранить себя отъ интригъ его. Будучи неограниченнымъ по своей власти, генералъ могъ во всякое время отмѣнить неблагопріятные для него законы, не отдавая въ этомъ никому отчета; онъ могъ совершенно стирать

дый воспитанникъ іезуитскій наблюдалъ за своимъ товарищемъ,—наблюдалъ каждый его шагъ, каждое движеніе и доносилъ о томъ, кому слѣдовало. Шпіонство, въ свою очередь, развивало скрытность, лицемѣріе и ханжество; каждый изъ школьниковъ стремился быть по наружности исправнымъ и безукоризненнымъ, не заботясь о дѣйствительномъ развитіи своей нравственности; да и чѣмъ, собственно говоря, было развивать? Религія, такъ способная умиротворять и размягчать молодыя натуры, часто являлась имъ карающею и враждебною: не рѣдко наказаніемъ за какой нибудь проступокъ воспитаннику назначалась молитва, для которой запирали его въ капеллу на опредѣленное время, или заставляли слушать двойную обѣдню ¹⁾. Понятное дѣло, что подобнаго рода употребленіе молитвы не только охлаждало въ провинившемся сознаніе проступка, но вмѣстѣ съ тѣмъ профанировало въ немъ всякое религіозное чувство. И только благодаря педагогической предусмотрительности іезуитовъ, подавлявшихъ въ своихъ питомцахъ рефлексію, воспитанники эти не выражали никогда протеста противъ своихъ руководителей,—слѣпо имъ вѣрили и слѣпо имъ повиновались.

Надъ учениками приходящими опека была не менѣе зоркая. Воспитатели стремились проникнуть въ ихъ семейства, изучить направленіе ихъ родителей, особенно матерей, складъ ихъ семейной жизни. Если замѣчали въ мальчикѣ

тѣхъ, которые беспокоили его. Для другихъ же членовъ система шпіонства была весьма опасна. Генераль, обыкновенно, посылалъ комиссаровъ и визитеровъ во всѣ провинціи ордена; они принимали доносы и жалобы отъ высшихъ—на низшихъ, и наоборотъ—отъ низшихъ на высшихъ. Такимъ образомъ генералу извѣстенъ былъ всякій членъ ордена до подробностей. Изъ *Histoire des Jesuites*.

¹⁾ Нѣчто подобное было и въ нашемъ казанскомъ университетѣ, когда имъ, въ двадцатыхъ годахъ, заправлялъ Магницкій. По распоряженію Магницкаго, студенты на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ молились объ исправленіи студентовъ, провинившихся противъ инструкцій университета.

особенныя способности, которыя казались имъ по чему либо пригодными, то старались заглушить въ немъ естественное чувство къ роднымъ и переманить къ себѣ. Вообще родственныя чувства іезуиты старались охлаждать въ своихъ питомцахъ, развивая въ нихъ сердечную жестокость и холодность и поставляя ихъ, такимъ образомъ, во враждебныя отношенія къ тому самому обществу, которое дало имъ существованіе. Такимъ только путемъ могли они приготовить изъ нихъ вѣрныхъ и фанатически-преданныхъ друзей и слугъ ордена. Вдвойнѣ были несчастны родители, если, по фамиліи, принадлежали не къ тому исповѣданію, котораго жаркимъ поборникомъ выходилъ ихъ сынъ изъ подъ іезуитской школы: въ своемъ сынѣ, въ такомъ случаѣ, они встрѣчали непримиримаго врага!...

Главное педагогическое средство, употреблявшееся іезуитами для возбужденія въ своихъ питомцахъ энергіи и прилежанія къ мертвой наукѣ (какою сдѣлана была она у нихъ при помощи схоластики), было соревнованіе. Духъ соревнованія поддерживался и развивался, главнымъ образомъ, дѣленіемъ воспитанниковъ на преторовъ, цензоровъ, декуріоновъ, магистратовъ и др. школьныя чины. Всякій, разумѣется, ученикъ не прочь былъ имѣть почетное титуло цензора, претора, и проч.,—и вотъ, подстрекаемый самолюбіемъ, онъ напрягалъ все усилія добиться желаннаго чина; тѣмъ болѣе, что къ цензорамъ и др. школьнымъ чинамъ воспитатели были особенно добры, внимательны и предупредительны. Притомъ съ титуломъ цензора, декуріона, магистрата и др. неразрывно была соединена мысль о наградахъ и отличіяхъ, раздача которыхъ открывалась съ особенною торжественностію, при огромномъ стеченіи народа. Имена побѣдителей торжественно провозглашались, и сами они выходили предъ собраніе и получали каждый свою заслуженную награду. Привиллегіи,

усвояемые этимъ школьнымъ чинамъ, часто переходили и въ жизнь практическую. за ними, гдѣ сидѣвшіе по классу выше своихъ товарищей не рѣдко продолжали занимать свои почетныя мѣста. Наконецъ, имена отличившихся красовались на доскѣ, напоказъ всѣмъ и каждому.—Всѣ эти лестныя для самолюбія преимущества, соединенныя съ цензорствомъ, декуріонствомъ и т. п., располагали іезуитскихъ школьниковъ усиленно и энергически добиваться ихъ другъ передъ другомъ, такъ сказать, взапуски.

Съ другой стороны, малоуспѣшность и лѣньность, кромѣ того, что заграждали путь къ полученію титула цензора, декуріона и под., очень дѣятельно преслѣдовались іезуитскою педагогикой. Наказанія тѣлеснаго, въ іезуитскихъ школахъ, впрочемъ, не было. Употреблялись по большей части мѣры нравственныя,—молитва напр., какъ замѣтили мы выше. Кромѣ молитвы были и другія исправительныя мѣры: на провинившагося надѣвали, обыкновенно, какой нибудь виѣшній знакъ для общаго позора—дурацкій колпакъ, ослиныя уши и т. под. Если наказываемый и послѣ того не исправлялся, т. е. продолжалъ лѣниться и не успѣвать, то іезуиты не беспокоились больше о немъ: имъ такіе люди нужны были. Изъ нихъ они составляли полки своихъ кліентовъ, готовыхъ въ огонь и воду по мановенію своихъ патроновъ.

Итакъ вотъ вкоротѣ система іезуитскаго воспитанія. Мы потому позволили себѣ остановиться на ней, что воспитаніе, которое давали іезуиты, отличалось, какъ замѣтили мы, стереотипностію и космополитствомъ: почему общая характеристика его можетъ служить характеристикой воспитанія, которое заимствовали іезуиты и въ Польшѣ и въ Литвѣ. Теперь понятнее для насъ будетъ частный разборъ педагогической дѣятельности іезуитовъ въ Польшѣ и въ Литвѣ.

2. Въ Польшѣ іезуиты появились въ 1564 г., въ Литвѣ— въ 1568 г. Въ 1574 г. число и значеніе ихъ здѣсь были такъ значительны, что генераль ордена составилъ изъ нихъ особую, самостоятельную провинцію ¹⁾, провинціаломъ которой поставленъ былъ нѣкто Зуньеръ. Резиденціей этой новой провинціи назначалась Вильна.

Съ самаго перваго времени своего водворенія въ Польшѣ и Литвѣ іезуиты начали основывать здѣсь коллегію за коллегіей, захватывая съ каждымъ годомъ въ свои руки общественное воспитаніе. Такъ основаны были коллегіи въ городахъ: Браунсбергѣ (въ 1564 г.), главномъ городѣ діецезіи кардинала Озія, вызвавшаго въ Польшу іезуитовъ, въ Пултускѣ (въ 1566 г.), въ Вильно (въ 1568), въ Ярославѣ, въ Познани, въ Оршѣ (около 1609 г.), въ Гродно (одна 1620, другая въ 1622 г.), въ Новогрудскѣ, Динабургѣ, Пинскѣ (въ 1632), въ Витебскѣ (въ 1640 г.) и др. городахъ ²⁾.

Въ дѣлѣ основанія коллегій іезуитскихъ участвовали большею частію вліятельныя лица польско-литовскаго королевства, свѣтскія и духовныя, а потому коллегіи эти, на первыхъ же порахъ своего существованія, располагали богатыми средствами. Такъ Озіи отдалъ іезуитамъ, водворившимся въ его діецезіи, оставленный францисканскій монастырь съ ко-

¹⁾ До сихъ поръ польско-литовскіе іезуиты входили въ составъ австрійской провинціи.

²⁾ Въ «Histoire des Jesuites» насчитывается въ Литвѣ 22 коллегіи, въ городахъ: Браунсбергѣ, Дрогичинѣ, Динабургѣ, Гродно, Гомно, Козахѣ, въ Ломжѣ, Минскѣ, Нѣсвижѣ, Новогородѣ, Оршѣ, Пинскѣ, Шауцѣ, Полоцкѣ, Пошавѣ, Пултускѣ, Росселѣ, Слуцкѣ, Вильно, Витебскѣ, Зодзимиѣ и Варшавѣ,—и 4 семинаріи: въ Браунсбергѣ, Слуцкѣ и двѣ въ Вильно. Въ Польшѣ также 22 коллегіи: въ Барѣ, Калишѣ, Хоавицѣ (Choinice), Бржесѣ, Каменцѣ, Краковѣ, Красниставѣ, Козно, Грудзяндзѣ, Ярославѣ, Леопольдѣ, Люблинѣ, Люцкѣ, Маренбургѣ, Острогѣ, Овручѣ, Познани, Пресмульцѣ, Раувѣ, Сандомірѣ, Станиславовѣ, Торунѣ,—и 6 семинарій: въ Калишѣ, Люблинѣ, Острогѣ, Раувѣ и 2 въ Сандомірѣ. III t. pag. 479 и 480.

стеломъ, назначилъ имъ ежегодное жалованье, позволилъ имъ пользоваться епископскимъ лѣсомъ, и всѣхъ приходскихъ ксендзовъ обязалъ доставлять имъ ежегодно опредѣленное количество зерноваго хлѣба. Точно также пултусская коллегія снабжена была разными пожертвованіями и записями. Но больше другихъ могла похвалиться своими богатствами коллегія ковенская. Еще Баторій, въ своемъ завѣщаніи, назначалъ ей 10,000 польскихъ золотыхъ и фундушъ на устройство этой коллегіи. Одною изъ богатѣйшихъ коллегій была также коллегія пинская, основанная усердіемъ Альбрехта Радзивилла.

Предъ разливомъ іезуитскихъ коллегій сами собою гибли училища, существовавшія дотолѣ въ Польшѣ и Литвѣ. Двумя, главнымъ образомъ, причинами объясняется это явленіе: 1) тѣмъ, что іезуиты, какъ ловкіе и предусмотрительные политики, весьма скоро съумѣли расположить къ себѣ симпатіи большинства жителей польско-литовскаго королевства, и 2) тѣмъ, что этими училищами завѣдывали, большею частію, ненавистные іезуитамъ диссиденты.

Іезуиты обладали непримѣнною, имъ однимъ свойственною, способностію—располагать человѣка въ свою пользу. Обаяніе іезуитской политики довольно мѣтко представлено въ отзывѣ объ іезуитахъ одного дублинскаго архіепископа (Жоржа Бронвиля). «Есть, говоритъ онъ, общество, которое возникло недавно и называется іезуитами. Они прельщаютъ великое число людей. Уподобляясь по жизни книжникамъ и фарисеямъ, іезуиты употребляютъ всѣ усилія, чтобы уничтожить истину, и успѣваютъ въ этомъ вполне: потому что такого сорта люди умѣютъ превращаться въ различныя формы. Съ язычниками они язычники, съ безбожниками—безбожники, съ іудеями—іудеи, съ реформаторами—реформаторы, и именно съ тою цѣлію, чтобы вывѣдать ваши желанія, ваши намѣренія, ваше сердце, ваши склонности, и чрезъ то сдѣлать васъ похожими

на того безумца, который говоритъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ. Эти люди приняты будутъ у царей и очаруютъ ихъ до того, что тѣ откроютъ имъ свое сердце и самыя сокровенныя тайны,—доведутъ до того, что тѣ забудутъ законъ Бога и Его евангеліе» ¹⁾).

Благодаря этому умѣнью располагать, по желанію, умами и сердцами людей, іезуиты прочно основали свою власть надъ тогдашнимъ поколѣніемъ литовцевъ и поляковъ. Какъ велика была эта власть, заключать можно изъ слѣдующихъ фактовъ ²⁾. Литовцы не были фанатиками и совсѣмъ не отличались наклонностію къ экзальтаціямъ, но вотъ, «по приказанію іезуита, знатный магнатъ Станиславъ Радзивилъ становится обнаженный въ нарочно приготовленный для этого шкафъ, и съ совершеннымъ смиреніемъ подвергается безпощадному бичеванію. Потоцкая, женщина знатнаго происхожденія, богатая, свѣтская, славившаяся красотою, жжетъ свое тѣло раскаленными углями, зажженными спичками». Если люди образованные такъ беззавѣтно ввѣрялись іезуитамъ, то о простомъ народѣ и говорить нечего: онъ буквально восторгался и увлекался латинскимъ эффектнымъ богослуженіемъ, совершаемымъ іезуитами. Вдобавокъ, іезуиты ловко воспользовались распространившеюся въ то время въ Вильно моровою язвою: они, когда напуганные жители оставили городъ, ухаживали за больными, напутствовали и погребали умирающихъ. Народъ проникнулся къ нимъ глубокимъ уваженіемъ и глубокимъ довѣріемъ.

Владѣя общимъ расположеніемъ народа, іезуиты, разумѣется, были весьма опасными конкуррентами прежнихъ пе-

¹⁾ Histoire des Jesuites. tom. 1. pag. 458.

²⁾ Примѣры эти мы заимствуемъ изъ статьи Слупскаго, помѣщенной въ Духъ христіанина за 1863—1864 г. за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцы, подъ заглавіемъ: «литовская іезуитская провинція».

дагогическихъ дѣятелей: народу казалось болѣе основательнымъ, даже лестнымъ, отдавать своихъ дѣтей для воспитанія такимъ святымъ мужамъ, какими въ его глазахъ были іезуиты. Вслѣдствіе того іезуитскія collegiі наполнялись день отъ дня учениками, а прежнія школы пустѣли и падали. «Большая часть лютеранскихъ и кальвинскихъ школъ,— говорится въ исторіи литературы Пыпина и Спасовича,— пропадаютъ безслѣдно (со времени появленія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ): множество элементарныхъ народныхъ училищъ, число которыхъ въ XVI ст. Іосифъ Лукашевичъ доводитъ до 1,500 съ 30,000 учащихся, исчезаетъ безслѣдно. Школа аріанъ въ Раковѣ была закрыта въ 1638 г. и сами аріане были изгнаны изъ Польши».

Сами іезуиты старались всѣми мѣрами поддержать интересъ къ своимъ школамъ, дѣлая ихъ, какъ можно, доступными въ матеріальномъ отношеніи. Жители охотно отдавали своихъ дѣтей въ collegiі, такъ какъ плата, назначаемая іезуитами за образованіе, была сравнительно дешева; а за дѣтей бѣднѣйшихъ родителей не полагалось и никакой платы. Извѣстно даже, что іезуиты устроили (и очень рано) ¹⁾ бурсу, въ которой бѣднѣйшіе воспитанники пользовались помѣщеніемъ, столомъ и надзоромъ совершенно безплатно.† Вдобавокъ, отдавши своихъ дѣтей для воспитанія іезуитамъ, родители могли быть спокойны относительно дальнѣйшей судьбы своихъ дѣтей и ихъ зашкольной карьеры: такъ какъ воспитатели всегда умѣли пристроить къ мѣсту своихъ питомцевъ. Въ сочиненіи, написанномъ противъ іезуитовъ Яномъ Бржкомъ, говорится, между прочимъ: «если ученикъ (іезуитскій) тупъ и не хочетъ учиться, или оставаться

¹⁾ Конвиктъ и бурса устроены были при Протасевичѣ, который купилъ для этого предмета четыре каменныхъ дома.

у нихъ (іезуитовъ), то они (іезуиты) выпускають его на свободу. Куда же дѣваться усатому школяру? Пристать на службу къ знатному барину?—онъ на то слишкомъ глупъ и простъ. Учиться какимъ либо наукамъ?—время прошло. Учиться ремеслу?—стыдно. Онъ и обращается къ отцамъ и упрашиваетъ ихъ, чтобы они его пристроили: они и помѣщаютъ его надзирателемъ или писцомъ у кого либо изъ своихъ благодѣтелей, или капелланомъ, или приходскимъ священникомъ... Заботливость іезуитовъ о своихъ питомцахъ доходила до того, что они высватывали для нихъ богатыхъ невѣстъ.

Чтобы сдѣлать свои училища еще болѣе обаятельными въ глазахъ гражданъ, іезуиты придавали имъ характеръ глубокой религіозности, воспитывая юношество, повидимому, въ правилахъ строгаго благочестія. Какъ было, въ самомъ дѣлѣ, отцу не отдать своего сына въ іезуитскую коллегію, когда тамъ школьникъ такъ благочестивъ, что бываетъ каждый день на ранней литургіи, а въ воскресные дни—на литургіи, проповѣди и вечернѣ? когда школьники тамъ исповѣдываются каждую недѣлю, или, по крайней мѣрѣ, каждый мѣсяцъ? Отдать мальчика въ іезуитскую школу значило почти тоже, что сдѣлать его святымъ. Отцу нѣтъ дѣла, что вся іезуитская школьная религіозность основана на виѣшности, что іезуиты совсѣмъ не заботятся о дѣйствительномъ развитіи въ своихъ питомцахъ истиннаго христіанскаго благочестія. Онъ крѣпко вѣрилъ въ педагогическую способность іезуитовъ и надѣялся, что его сынъ выйдетъ изъ школы ихъ и ученымъ и благочестивымъ. Сами же питомцы еще не умѣли критически отнестись къ педагогикѣ своихъ воспитателей и понять ея настоящій характеръ. Притомъ іезуиты заботливо и всѣми силами старались подавить въ своихъ воспитанникахъ рефлексивное мышленіе, наэлектризовывая ихъ вмѣсто того разсказами о вымышленныхъ чудесахъ, о мертвецахъ, о колдунахъ и проч.

Не малый интересъ іезуитскимъ школамъ придавало разыгрываніе различныхъ процессій, церемоній, театральныхъ представлений. Какъ ни нелѣпы и ни вычурны были эти затѣи досужихъ о. іезуитовъ; но онѣ достигали своей цѣли вполне, будучи въ одно и тоже время и увеселительной шуткой и дѣйствительнымъ средствомъ—привлечь на сторону іезуитскихъ школъ общественное мнѣніе и симпатіи. Напр. по городу въ триумфальныхъ колесницахъ съ широкими помостами ѣдетъ процессія такого рода: впереди поэзія, окруженная поэтами, и элоквенція—ораторами; затѣмъ, на слѣдующей колесницѣ, натура съ множествомъ животныхъ; далѣе пятая глава изъ апокалипсиса св. Іоанна Богослова въ лицахъ; потомъ—мученики, святые и, наконецъ, на огромной повозкѣ ѣдетъ Римъ. Кругомъ цвѣты, разноцвѣтные фонарики, хоругви, флаги, музыка, пѣсни, барабанный бой и—весь городъ, окрестные жители, евреи, магометане сбѣгаются смотрѣть на это зрелище ¹⁾. Затѣя сама по себѣ ничтожная, придуманная отъ нечего дѣлать; а между тѣмъ она давала пищу народнымъ толкамъ и весьма сильно помогала популярности о. іезуитовъ. Тоже можно сказать и о ихъ представленіяхъ, или, какъ они сами ихъ называли, «діалоггахъ и комедіяхъ»: бѣдныя по содержанію, они, какъ и процессіи, обаятельно дѣйствовали на воображеніе народа и возбуждали въ немъ удивленіе къ многостороннимъ талантамъ о. іезуитовъ. Чтобы дать болѣе ясное понятіе объ этихъ представленіяхъ, приводимъ программу ²⁾ одного изъ нихъ, сыграннаго въ 1640 г. въ Калишѣ.

¹⁾ Изъ статьи «Слупскаго «литовъ» іезуитская провинція».

²⁾ Заимствуемъ эту программу изъ статьи «Слупскаго «литовская іезуитская провинція».

Часть 1.

Сцена I. Ересь (олицетвореніе) возстаетъ противъ іезуитскаго ордена за то, что онъ препятствуетъ ей распространять лживыя мнѣнія въ Европѣ.

II. Она вызываетъ себѣ на помощь трехъ адскихъ богинь и вооружаетъ ихъ противъ ордена.

III. Для болѣе надежнаго успѣха въ своихъ гнусныхъ вымыслахъ, ересь призываетъ къ себѣ на помощь еще ложь, развратъ и роскошь (олицетвор.)

IV. Ложь, развратъ, роскошь стараются вооружить противъ ордена монаховъ Европы.

V. Ересь, узнавши, что ея союзницы—ложь, развратъ и роскошь дѣйствуютъ успѣшно, съ своей стороны старается опутать разными интригами монаховъ Европы.

VI. Монархи Европы вооружаются для защиты ереси; приказываютъ набирать войско.

VII. Печальная Европа (олицетвореніе) оплакиваетъ злость ереси, жалуется на замыслы своихъ монаховъ и напрасно старается образумить ихъ.

VIII. Наконецъ, она проситъ защиты у ордена іезуитовъ (орденъ также—олицетвор.)

IX. Орденъ изъявляетъ готовность употребить силы на пользу Европы, и она утѣшается отрадной надеждой.

X. Орденъ оплакиваетъ заблужденія людей, злость ереси и, готовясь на борьбу съ нею, проситъ помощи у св. Петра.

XI. Св. Петръ успокоиваетъ орденъ и общаетъ ему побѣду слѣдующимъ видѣніемъ: на небѣ является начертаніе имени Іисуса; страшный змій съ остервененіемъ порывается къ этому начертанію, и съ ужасомъ бросается назадъ.

XII. Орденъ, обнадеженный св. Петромъ, готовится на борьбу съ ересью.

Часть 2.

Сцена I. Монархи Европы поняли всю гнусность козней ереси и жалѣють, что принимали ея сторону.

II. Орденъ раскрываетъ предъ ними во всей наготѣ козни ереси, и они еще болѣе раскаяваются.

III. Римская церковь (олицетвореніе) и Европа благодарятъ орденъ за то, что онъ вырвалъ монарховъ изъ пасти ереси.

IV. Монархи торжественно празднуютъ свое избавленіе отъ козней ереси. Повторяется прежнее видѣніе на небѣ.

V Монархамъ докладываютъ, что ересь хочетъ говорить съ ними; но они не хотятъ видѣться.

VI. Разбѣшенная ересь бросается на орденъ.

VII. Она возстаетъ и противъ неба, но ниспровергается ударами молніи.

VIII. Отроки, смѣняя другъ друга, воспѣваютъ побѣду ордена надъ ересью.

IX. Римская церковь, торжествуя эту побѣду, и на будущее время просить защиты у ордена.

Часть 3.

Сцена I. Семь царей индѣйскихъ выражаютъ свою радость о томъ, что орденъ открылъ имъ свѣтъ истинной вѣры.

II. Орденъ убѣждаетъ царей немедленно принять возвѣщенную имъ истинную вѣру.

III. О томъ же напоминаетъ царямъ и римская церковь.

IV. Цари, въ одинъ голосъ, проклинали языческую вѣру.

V. Они заставляютъ своихъ воиновъ принять истинную вѣру и быть ея защитниками.

Часть 4.

Сцена I. Идолатрія (богиня язычества), приѣхавши на змїяхъ съ тремя подругами своими—Мегерой, Тизифоной, Алекто,

вооружаетъ ихъ противъ ордена. Затѣмъ съ своими жрецами она производитъ чародѣйства.

II. Идолатрія склоняетъ на свою сторону нѣкоторыхъ царей индѣйскихъ.

III. Орденъ предъ этими царями разоблачаетъ ея козни. Она защищается ложными чудесами: производитъ на безоблачномъ небѣ молнію, громъ; низводитъ дождь, снѣгъ; заставляетъ различныхъ животныхъ плясать предъ идолами и т. п. Но всѣ эти чудеса ангель-хранитель Индіи громитъ молніей съ неба.

IV. Побѣда ордена для всѣхъ становится очевидною.

V. Индія (олицетвор.) съ царями своими отрекается отъ языческихъ боговъ.

VI. Цари торжествуютъ.

VII. Торжествуетъ римская церковь.

Часть 5.

Сцена I. Восемь ангеловъ привѣтствуютъ съ высоты неба римскую церковь и орденъ, которые торжественно въѣзжаютъ. Музыка.

II. Римская церковь празднуетъ приобрѣтеніе Индіи.

III.—Призываетъ индѣйскихъ царей и представляетъ ихъ народу.

IV. Сжигаются идолы и др. предметы благоговѣнія язычниковъ. Въ то же время ангелы, размѣщенные надъ сценой, поютъ гимнъ въ честь ордена.

V. Идолатрія бросается къ ногамъ римской церкви и торжественно признаетъ себя побѣжденною.

VI. Римская церковь благодаритъ орденъ.

Но не одними мирными путями іезуиты распространяли свое образованіе: въ Польшѣ и Литвѣ, въ то время, было много диссидентовъ, которые недовѣрчиво смотрѣли на іезуи-

товъ и ихъ школы. На это обстоятельство іезуиты, какъ и нужно было ожидать, весьма скоро обратили должное вниманіе. Опасаясь чуждаго, «еретическаго» сосѣдства и ревниво охраняя себя отъ всякаго рода конкурентовъ, іезуиты воздвигли на диссидентовъ и ихъ школы жестокія гоненія: они стремились уронить ихъ въ общественномъ мнѣніи посредствомъ диспутовъ съ ними (т. е. диссидентами), а иногда и посредствомъ открытаго насилія.

Скажемъ сначала о насиліи.—Понимая отлично, что воспитанники, въ свое время, будутъ дѣтельными и надежными помощниками, іезуиты постарались развить въ нихъ глубокую ненависть къ диссидентамъ. Для этого употребляли такого рода средства. Собираютъ воспитанниковъ въ залъ на сценическое представленіе. Одинъ іезуитъ играетъ роль Христа, другіе—двѣнадцати апостоловъ. Начинается послѣдній судъ. Предъ судилище Спасителя приводятъ Гусса, Виллефа, Лютера, Кальвина, Цвинглія и греческаго патріарха. Каждый изъ этихъ духовъ долженъ исповѣдываться и признаваться въ такихъ вещахъ, какія для изуродованія этихъ людей могли придумать только іезуиты, и все это такъ варварски представлялось, что молодежь остервенялась. Судъ назначаетъ ихъ въ адъ, начинается комедія. Впечатлѣніе произведено: школьники умираютъ отъ смѣха и за стѣнами коллегіи повторяютъ съ диссидентами тоже, что черти, въ комедіи, дѣлаютъ съ невѣрными. Представленія эти мотивировались иногда на другой ладъ. Выступаетъ, напр., кальвинскій или лютеранскій пасторъ, или православный священникъ: онъ бьетъ свою жену, бранится на дѣтей, запираетъ свою совѣсть водкой,—дѣлается во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ смѣха. Или еще иначе: «собирается молодежь; среди зрѣлища засѣдаютъ, съ одной стороны, іезуиты, съ другой—также іезуиты, только передѣтые въ иновѣрцевъ»

Кальвина, Гусса, Лютера, греческаго патріарха и проч. Начинается ученое разсужденіе. Представители ереси говорятъ о предметахъ своего вѣроисповѣданія, но такъ глупо, что молодежь смѣется; іезуиты бойко сражаютъ ихъ языкомъ и доводятъ до того, что они принуждены бываютъ сознаться, что ихъ попуталъ діаволъ и что они тяжело согрѣшили». — Путемъ такихъ затѣй о. іезуиты развивали въ своихъ воспитанникахъ ненависть къ диссидентамъ, — ненависть, выразившуюся потомъ въ страшныхъ и подъ часъ трагическихъ насиліяхъ со стороны школьниковъ по отношенію къ диссидентамъ. Школьники, среди дня, подкарауливали, напр., евангелическихъ священниковъ и, поймавши кого нибудь изъ нихъ, били его почти до смерти, или же бросали съ моста въ воду. Кальвинскія церкви стояли безъ оконъ: потому что, сколько ихъ ни вставляли, школьники снова разбивали ихъ. Они были готовы всегда, по знаку префекта, изувѣчить любого вольнодумца, взять штурмомъ диссидентскую школу, протестантскій соборъ, или православный храмъ. Въ 1611 году, напр., эти школьники буквально взяли штурмомъ, разграбили и сожгли до основанія протестантскій соборъ въ Вильно. Въ 1627 г. протестанты жаловались на сеймѣ: «насъ подвергаютъ постоянной опасности, пользуясь самоуправствомъ и буйствомъ іезуитскихъ школьниковъ... Всѣ страны подчиняются вашему королевскому величеству; всѣ войска Рѣчи Посполитой боятся вашего имени: неужели же гиганты школьники и союзная имъ чернь могутъ не уважать этого имени»? Но школьники «гиганты» не унимались и устраивали демонстраціи одна другой возмутительнѣй ¹⁾. Рескрипты Баторія, Сигизмунда,

¹⁾ О выходкахъ іезуитскихъ школьниковъ противъ диссидентовъ довольно подробно можно читать въ статьѣ «ковенскіе протестанты», помѣщенной въ Вѣстникѣ юго-западной Россіи, за январь 1865 г., откуда и мы заимствуемъ два послѣдніе разсказа.

Владислава IV и Яна Казимира о соблюденіи свободы вѣроисповѣданія диссидентовъ оставались безплодными ¹⁾. Лютеране, напр., жаловались, что въ первый день Рождества Христова (1702 г.), во время богослуженія, нѣсколько іезуитскихъ «студентовъ» вломились въ ихъ церковь, съ громкимъ крикомъ и хохотомъ передразнивали ихъ пѣснопѣніе, мѣшали пастору говорить проповѣдь и, выходя изъ церкви, кричали разныя позорныя и срамныя слова; хотя лютеране и обратились къ ректору іезуитовъ и сообщили ему имена буяновъ, но не получили никакого удовлетворенія. Въ 1707 г. школьники «гиганты» напали на причетника лютеранской церкви и, поваливши его на каменное крыльцо своего училища, избили до полусмерти. Члены магистрата по жалобѣ совѣта 12-ти отправились къ обиженному для разясненія дѣла; они нашли его въ постели харкающимъ кровію, видѣли, что вся спина его окровавлена отъ ударовъ дубинами, нога переломлена, лице окровавлено и изуродовано камнями. При этомъ больной разсказалъ слѣдующее: «когда меня въ первый разъ ударили господа студенты отцовъ іезуитовъ, то голова моя очутилась на камнѣ, а ноги—на землѣ; потомъ мнѣ заткнули ротъ, чтобы я не кричалъ, а когда ужъ меня избили, какъ хотѣли, и я упалъ съ камня,—они прислушивались, живъ ли я еще, и, когда я, долго лежавши, поднялъ голову, они снова положили меня на камень и еще крѣпче избили, чѣмъ прежде. Потомъ, когда жена моя и г. Антонъ Розенбергъ пришли спасать меня, они въ третій разъ меня избили, такъ что я едва былъ спасенъ; а когда меня принесли въ домъ г. Розенберга, то и тамъ искали меня съ неистовыми

¹⁾ Сигизмундъ III-й и Янъ Казимиръ, какъ извѣстно, были воспитанниками и друзьями іезуитовъ; и если они вынуждены были давать рескрипты, ограничивавшіе широкія замашки іезуитовъ, то можно думать, что эти замашки заходили далеко за черту даже дружескаго долготерпѣнія названныхъ королей...

криками; но не могли найти, потому что я былъ хорошо спрятанъ. Послѣ этихъ мученій я теперь сомнѣваюсь въ моемъ излеченіи, потому что кровь течетъ сильнѣе и я болѣе ослабѣваю». Такія возмутительныя выходки позволяли себѣ іезуитскіе школьники! Не удивителенъ, послѣ этого, тотъ фактъ, что протестантскія и кальвинскія школы, существовавшія въ польско-литовскомъ королевствѣ въ XVI столѣтіи, пропадаютъ безслѣдно, хотя число ихъ, какъ видѣли мы, простиралось до весьма значительной цифры.

Что касается диспутовъ, то они, какъ замѣтили мы, были дѣйствительнымъ средствомъ въ рукахъ іезуитовъ—уронить диссидентовъ въ общественномъ мнѣніи. Часто они принимали грозный характеръ и переходили въ уличныя перебранки, а подъ часъ и рукопашныя схватки, хотя, по своей идеѣ, должны бы были представлять собою отношенія къ враждебной сторонѣ вполне гуманнаго характера.

Еще дѣлая описаніе іезуитскаго образованія, мы замѣтили, что іезуиты весьма заботливо развивали въ своихъ питомцахъ умѣнье спорить о всякомъ предметѣ. Умѣнье такое, естественно, было существенною необходимостію для іезуитовъ, считавшихъ пропаганду своею профессіей. Истиной они не владѣли, а потому и не могли рассчитывать на ту силу убѣжденія и слова, которая неотразимо овладѣваетъ сознаниемъ человѣка. Необходимо было, поэтому, замѣнить эту внутреннюю силу внѣшнимъ блескомъ діалектики, изворотливостію рѣчи. Въ томъ и другомъ іезуиты были мастерами дѣла и опытными борцами, а потому на диспутахъ всегда оставались побѣдителями.

Диспуты сначала производились въ коллегіяхъ, а потомъ приняли видъ публичныхъ споровъ между католиками вообще и диссидентами, и наконецъ выродились въ жаркую полемику

между іезуитами и протестантами ¹⁾. Скажемъ только о диспутахъ въ собственномъ смыслѣ слова.

Инициатива диспутовъ подана была, кажется, протестантами. По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, мы опираемся на слова Ростовскаго, который въ своей хроникѣ, подѣ 1570 г., говоритъ такъ: «Андрей Воланъ и Андрей Тржеецкій (извѣстнѣйшіе протестантскіе проповѣдники того времени) и множество другихъ протестантовъ пришли къ іезуитамъ въ collegію и вызвали ихъ на диспутъ о таинствѣ евхаристіи. Іезуиты, опираясь на авторитетъ отцевъ церкви, особенно бл. Августина и св. Амвросія Медиоланскаго, легко отразили всѣ нападенія еретиковъ, и въ заключеніе вызвали ихъ на новый, уже публичный диспутъ о разныхъ, тутъ же назначенныхъ, предметахъ вѣроученія. На дверяхъ collegіи было прибито объявленіе о будущемъ диспутѣ; такія же объявленія розданы были прихожанамъ. Въ назначенный день собралось въ collegію множество народа, католиковъ и протестантовъ. Наступило время начинать диспутъ, но никто не выступалъ противъ іезуитовъ; наконецъ, пождавъ еще нѣсколько, они должны были сами, раздѣлившись на двѣ стороны, производить диспутъ. Одни представляли протестантовъ и нападали, другіе защищались» ²⁾. Подобные диспуты производились и въ три слѣдующіе дня; одни изъ іезуитовъ представляли Кальвина, Лютера, Цвинглія, а другіе защищали противъ нихъ латинство.

Такіе диспуты, повторяемые очень часто, съ полнымъ извращеніемъ исторической правды, имѣли весьма сильное

¹⁾ Замѣчательнѣйшая полемика велась между Скаргой и Воланомъ. Сторону Скарги принимали лучшіе изъ профессоровъ виленской акад. Вега, Решка; Волана поддерживали Лисицкій, Хржаностовскій, Судревичъ и др. Полемика эта продолжалась до конца XVI в.

²⁾ Изъ статьи Слупскаго въ Духъ христіанина.

дѣйствіе на умы современниковъ—и католиковъ и протестантовъ: первые все болѣе убѣждались въ талантахъ и необходимости о. іезуитовъ, а послѣдніе, по тому самому, теряли всякую энергію въ безнадежной борьбѣ съ своими ловкими противниками. «Слѣдствіемъ диспутовъ,—говоритъ Ростовскій,—было то, что значеніе еретиковъ, высокое мнѣніе, которое о нихъ имѣли, мало по малу ослабѣло; и въ то же время оживали духомъ вѣрные, укрѣплялась вѣра, и дѣло дошло до того, что жители Вильно искали сблизиться съ нами, довѣрчиво прося у насъ совѣтовъ въ дѣлахъ вѣры и, наконецъ, совершенно предались руководству отцевъ» (іезуитовъ)¹⁾.

Такимъ образомъ іезуиты достигли своей цѣли: симпатіи большинства были на ихъ сторонѣ; авторитетъ диссидентовъ поколебленъ и расшатанъ до основанія въ общественномъ мнѣніи. Или другими словами: конкуренція въ дѣлѣ воспитанія устранена, и іезуиты добились полной и желанной монополіи въ этомъ отношеніи. Они сознавали себя теперь общественными воспитателями и, дѣйствительно, въ коллегіи ихъ поступали дѣти всѣхъ сословій.

Но на сердцѣ о. іезуитовъ лежала еще одна забота, которая тяготила ихъ постоянно. Всѣ ихъ школы и коллегіи входили въ составъ подвѣдомыхъ краковской академіи учебныхъ заведеній. Краковская академія, какъ главная школа въ государствѣ (Schola Regni), имѣла надъ ними права надзора. Такое подчиненіе іезуитамъ не могло особенно нравиться; ибо они вообще не любили чужаго вмѣшательства въ дѣла и распоряженія свои. Поэтому они весьма рано

¹⁾ Ростовскому въ этомъ случаѣ можно вѣрить, потому что не видно, чтобы протестанты серьезно позаботились остановить чѣмъ нибудь возрастающее вліяніе іезуитовъ, которые къ концу царствованія Сигизмунда Августа чувствовали свое положеніе довольно прочнымъ.

пришли къ мысли—вывести свои школы изъ-подъ субординаціи краковской академіи. Прекрасное средство для осуществленія этой прекрасной мысли видѣли они въ возведеніи виленской коллегіи ¹⁾ на степень академіи, совершенно равноправной краковской академіи, и со всѣмъ усиленіемъ ловкихъ дипломатовъ начали хлопотать въ пользу этого возведенія предъ Стефаномъ Баторіемъ. Но не желая обнаружить тѣхъ тѣхъ побужденій, въ силу которыхъ они такъ горячо приняли къ сердцу дѣло возведенія виленской коллегіи на степень академіи, іезуиты постарались замаскировать ихъ благовидными предлогами. Именно чрезъ Протасевича, виленскаго епископа, они представляли королю, что путешествіе за границу, предпринимаемое молодыми людьми королевства для окончательнаго образованія, слишкомъ дорого обходится литовцамъ, что эти молодые люди въ заграничныхъ университетахъ заражаются вольномысліемъ, ересями, неуваженіемъ къ высшей власти и проч., что необходимо имѣть въ Литвѣ высшую школу, и—почему бы не возвести виленскую коллегію на степень академіи. Какъ ни были преувеличенны и неискренни опасенія іезуитовъ относительно зловреднаго вліянія заграничныхъ университетовъ на умы молодыхъ людей королевства, и какъ ни легко устранялись они указаніемъ на краковскую академію; тѣмъ не менѣе Баторій сочувственно принялъ предложеніе іезуитовъ: ему какъ будто не хуже іезуитовъ понравилась мысль—открыть въ Вильно іезуитскую академію. Однако онъ встрѣтилъ довольно дружную оппозицію со стороны пановъ. «Многіе паны, говорится въ статьѣ Слущ-

¹⁾ Нѣсколько прежде іезуиты пытались возвести познаньскую семинарію на степень академіи, но крак. академія отстояла права свои, и попытка іезуитовъ не удалась. А позднѣе, около 1810—1811 г., какъ разсказывается въ «La Russie et les Jesuites», они также старались о возведеніи полоцкой семинаріи на степень академіи. Неизвѣстно, тѣмъ кончилась эта попытка.

скаго, изъ протестантовъ и католиковъ даже, хорошо при-
смотрѣвшись къ іезуитамъ, начали уже понимать, что это
за люди и чѣмъ должна быть въ ихъ рукахъ академія. Они
не могли сказать Баторію всего того, что думали объ іезуи-
тахъ, но представили ему, что открытіемъ въ Вильно акаде-
міи іезуитской будутъ нарушены права и привилегіи краков-
ской академіи и права диссидентовъ, которые имѣютъ осно-
ваніе—открытіе въ столицѣ Литвы іезуитской академіи считать
для себя дѣломъ весьма опаснымъ». Оппозиція эта вырази-
лась особенно рѣзко тогда, когда нужно было панамъ закрѣ-
пить своимъ согласіемъ привилегіи, возводившія школу іезуи-
товъ на степень академіи. Канцлеръ литовскій Николай Ру-
дый Радзивиллъ, когда нужно было приложить къ грамматѣ
большую печать княжества, рѣшительно отказался сдѣлать
это. Баторій велѣлъ, вмѣсто большой, приложить малую
печать. Это было въ 1578 году. Новой академіи усвоились
права—раздавать ученые степени магистровъ, бакалавровъ,
докторовъ и проч. Преподаваніе въ ней ограничивалось лишь
духовными науками, а свѣтскія науки, какъ медицина и
гражданское право, исключались; такъ что академія, на пер-
выхъ порахъ, состояла изъ двухъ факультетовъ—богослов-
скаго и философскаго ¹⁾. Папа утвердилъ существованіе и
права этой академіи своею буллою. Первымъ ректоромъ ея
назначенъ былъ знаменитый проповѣдникъ, «польскій Злато-
устъ», Петръ Скарга. Еще при жизни Баторія въ этой ака-
деміи число учащихся простиралось до 700.

Съ этого времени общественное воспитаніе переходитъ
исключительно въ руки о. іезуитовъ; такъ что краковская
академія, видя, что молодежь переходитъ къ іезуитамъ и ея

¹⁾ Впослѣдствіи (въ 1644 г.), стараніями литовскаго подканцлера Льва Сапѣги и за пожертвованныя имъ деньги, присоединенъ былъ третій факультетъ—юридическій.

стѣны быстро пустѣютъ, при приѣмѣ обязывала поступавшихъ въ нее студентовъ присягать въ томъ, что они не будутъ переходить въ другимъ учителямъ. Но іезуиты, будто на зло академіи, основали свою академію въ самомъ Краковѣ въ 1622 г.), и тѣмъ самымъ заслонили своимъ авторитетомъ всякое значеніе краковской академіи. Ректоръ этой академіи, Наймаковичъ, принеши Сигизмунду III академическія привилегіи и граммату, просилъ его отнять ихъ у академіи и отдать іезуитамъ, или же—ограничить возраставшее значеніе іезуитскихъ школъ. Но король возвратилъ ректору и граммату и привилегіи, а школъ іезуитскихъ не закрылъ. Тогда краковская академія вступила съ іезуитами въ жаркую полемику, въ которой, однако, не всегда оставалась побѣдительницей¹⁾. Она постаралась выставить въ истинномъ свѣтѣ истинный характеръ іезуитскаго воспитанія, находя его растлѣвающимъ молодое поколѣніе. Ректоръ краковской академіи, въ своемъ протестѣ противъ іезуитовъ, возсталъ на нихъ со всею силою обиженнаго человѣка. По его мнѣнію, нужно непременно выгнать іезуитовъ изъ предѣловъ государства. Есть такіе, говоритъ онъ, которые, указывая на іезуитскія школы, въ большомъ количествѣ открытыя, говорятъ, что іезуиты приносятъ много пользы для края, даже нѣкоторые изъ лучшихъ фамилій говорятъ это. Они стараются повѣрять имъ воспитаніе своихъ дѣтей, замѣчая у нихъ высокую науку, религіозность и особенный какой-то способъ обученія; при чемъ и то бросается имъ въ глаза, что они (іезуиты) ничего не берутъ за труды при воспитаніи своихъ учениковъ. Но эти люди не замѣчаютъ, къ чему все это направлено у іезуитовъ. Всѣми способами привлекая къ себѣ молодыхъ людей, іезуиты

¹⁾ Замѣтательнѣйшее сочиненіе, родившееся среди этой полемики,—сочиненіе, написанное Яномъ Бриксомъ, изъ котораго мы выше привели маленькій отрывокъ.

стараятся захватить въ свои руки общественное воспитаніе, и частію достигли уже этого. Едва прошло двадцать лѣтъ со времени появленія ихъ у насъ,—и какъ уже много давнѣйшихъ школъ, по ихъ проискамъ, упало. Краковская академія, изъ которой вышло столько высокоученыхъ по всѣмъ отраслямъ знанія и принесшихъ много пользы для края людей, въ которой было до 4000 учениковъ, нынѣ, благодаря іезуитамъ, стоитъ почти пустою». За тѣмъ авторъ разсуждаетъ о томъ, что іезуитское воспитаніе никуда не годится, и даже положительно вредно. Ихъ воспитанники приспособлены къ монастырской жизни; ихъ учителя—иностранцы, не понимающіе нашихъ обычаевъ и потребностей страны. Совѣтуетъ, при этомъ, своимъ соотечественникамъ, чтобы іезуитское воспитаніе, неизвѣстное предкамъ, бесполезное для молодежи и гибельное для страны, было оставлено. Въ учености, которую приписывали іезуитамъ, онъ весьма сомнѣвается, такъ какъ не всегда за ними оставалась побѣда на диспутахъ; они убѣждаютъ не силою доводовъ, а угрозами, шумомъ, бранью; часто дѣло доходитъ до рукопашной схватки. Затѣмъ обращаетъ вниманіе соотечественниковъ на то, что, прибывши въ Польшу и Литву нищими, іезуиты теперь владѣютъ огромными богатствами и стараются увеличивать еще эти богатства, не разбирая средствъ, доводя до нищеты шляхетскіе дома, не щадя при случаѣ и государственныхъ имуществъ. Стараться какъ нибудь преобразовать этотъ орденъ, по мнѣнію автора, дѣло бесполезное: въ такомъ случаѣ іезуиты перемѣнятъ только кожу, а духъ останется въ нихъ тотъ же. Правительство должно зорко смотрѣть за «этими испанскими гаваонитами» и не позволять имъ обманывать льстивою рѣчью и личиною благочестія ¹⁾).

¹⁾ Эта протестанція, въ выдержкахъ, помѣщена въ статьѣ Слупскаго и статьѣ: «іезуиты, какъ воспитатели въ Польшѣ и Литвѣ», въ Вѣстникѣ юго-западной Россіи за 1865 г. въ 7 книжкѣ: мы пользовались и 463 и другою редакціей.

Сторону академіи приняли и другія лица, хорошо понимавшія опасное вліяніе іезуитскаго воспитанія. «Польскіе католики,—говоритъ Гетте,—какъ и германскіе протестанты, проклинали іезуитовъ. Честолюбіе отцевъ, въ этой странѣ, какъ и вездѣ, было причиною этихъ проклятій. Не довольствуясь тѣмъ, что посѣляли смуты здѣсь своими политическими интригами, они старались еще овладѣть умами народа, торгуя общественнымъ воспитаніемъ и стараясь разрушить университеты въ пользу своихъ коллегій» ¹⁾.

Іезуитовъ начали называть «заразою, которую трудно замѣтить, пока она не воспалитъ все тѣло»,—говорили, что «общество монаховъ, украшенное именемъ Іисуса Избавителя, кажется, для того только и существуетъ, чтобы исказить догматы римской церкви и добрые нравы республики». Янъ Замойскій, коронный гетманъ, едва соглашался дать имъ нѣсколько кафедръ для проповѣдыванія и предостерегалъ, чтобы они не вмѣшивались въ дѣла республики. Гетте въ своей «исторіи іезуитовъ» говоритъ, что отъ лица дворянъ общародована была даже записка, въ которой выставлялись злоупотребленія іезуитовъ. Но этой запискѣ, іезуиты представлялись зачинщиками мятежей и возмущеній,—добивались участія въ избраніи королей, съ цѣлю располагать ихъ авторитетомъ для удовлетворенія своихъ страстей. «Отъ нихъ произошли смуты въ Ливоніи, Ригѣ, Литвѣ. Водыни, Краковѣ... Они овладѣваютъ церквами, прогоняютъ пасторовъ, не обращая вниманія на ихъ дѣла и дряхлость. Въ Литвѣ они поставляютъ въ приходахъ своихъ священниковъ; во многихъ мѣстахъ Малороссіи они захватываютъ въ свои руки самыя плодородныя поля, лишая такимъ образомъ состоянія самыхъ зажиточныхъ крестьянъ.... Ихъ коллегіи въ Польшѣ похожи

¹⁾ Histoire des Jesuites. tom. II. pag. 240.

скорѣе на укрѣпленные дворцы, или цитадели, откуда они царятъ надъ городами и будто постоянно угрожаютъ войною. Такія же они имѣютъ и въ Познани и въ Люблинѣ. Удивительно ли, послѣ того, что католическіе священнослужители Люблина и Кракова считаютъ себя обязанными говорить съ каеэдры объ этихъ чудовищныхъ людяхъ» ¹⁾).

Іезуиты, разумѣется, не остались не чувствительными къ этимъ энергическимъ и вовсе не лестнымъ для нихъ отзывамъ. Чтобы гарантировать честь и неприкосновенность авторитета ордена, іезуиты предъ Сигизмундомъ III начали хлопотать о томъ, чтобы захватить въ свои руки цензуру. Сигизмундъ, дѣйствительно, издалъ эдиктъ, которымъ іезуиты уполномочивались—очищать печать отъ всего, что имъ казалось по чему либо подозрительнымъ: «кто переводитъ и приносить въ Польшу, читаетъ и хранить книги, запрещенныя іезуитами, тотъ теряетъ честь, имѣнье и жизнь», говорилось въ этомъ эдиктѣ, между прочимъ. Началось беспощадное гоненіе на печатныя книги: появлялись реестры книгъ, запрещенныхъ тридентскимъ соборомъ,—наступило очищеніе библиотекъ. Сочиненія, въ которыхъ замѣчалось несогласіе съ догматами римской церкви, или же которыя направлены были противъ іезуитовъ (что на языкѣ іезуитовъ называлось «ересью»), памятники народной поэзіи и мифологіи—все это уничтожалось, какъ предметы, поддерживавшіе въ народѣ суевѣріе. Книги, напечатанныя въ тѣхъ типографіяхъ, откуда выходили иновѣрныя сочиненія, назначаемы были къ сожженію на рынкахъ Варшавы и Вильно. Многія книги сожигались только потому, что переведены были протестантами. Писатели польскіе замѣчаютъ, что казацкіе пожары и двукратный грабежъ шведовъ не могли нанести большей потери для библиотекъ, какъ іезуитская цензура.

М. Ястребовъ.

¹⁾ Histoire des Jesuites, tom. 1. pag. 291.